

ОРГАНИЗАЦИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ И ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.Ф. П р я х и н*

С окончанием “холодной” войны центральноазиатская тематика получила в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)¹ новое качественное звучание.

Образовавшиеся в 1991 г. новые независимые государства Центральной Азии, стремясь к укреплению национальной государственности, повышению своего престижа на международной арене, формированию широкой и эффективной инфраструктуры международных связей сразу же заявили о своем желании присоединиться к одной из наиболее влиятельных международных структур, каковой уже тогда являлась ОБСЕ.

Свое участие в ОБСЕ, так же, как и в ООН, они расценивали прежде всего как еще один акт политического и дипломатического признания в качестве равноправных и суверенных субъектов международного права. В столицах центральноазиатских государств рассчитывали через ОБСЕ получить *дополнительные гарантии своей независимости*, в том числе и против возможного рецидива так называемых “имперских амбиций” Москвы.

Новые правящие элиты хорошо понимали при этом, что большинство населения бывших центральноазиатских республик СССР достаточно лояльно относилось к союзному центру. Как отмечает видный американский специалист в области межнациональных отношений в бывшем Советском Союзе, профессор-эмеритус городского колледжа Нью-Йорка Майкл Ривкин, в годы перестройки требования национального суверенитета в советской Средней Азии были редкими. “В марте 1991 г. на консультативном референдуме о будущем СССР Центральная Азия продемонстрировала сильную поддержку сохранению Союза”.² Это, кстати говоря, сильно отличало Центральную Азию от некоторых других регионов бывшего СССР, таких, например, как Прибалтика.

Местное население зачастую видело в союзном центре защиту от произвола местных властей, и неизбежные трудности переходного периода могли бы усилить ностальгию по советским временам, отнюдь не бывшими только “черными” страницами в истории Центральной Азии, как подчас представляют сейчас некоторые тенденциозные исследователи. Наоборот, в большинстве центральноазиатских государств валовой внутренний продукт (ВВП) сократился за первые пять лет независимости вдвое.³ Значительно ухудшились и натуральные показатели материального благосостояния населения. Так, например, по официальным данным детская смертность во всех центральноазиатских государствах, кроме Узбекистана, была выше в 1995 г. по сравнению с 1990 г.⁴

*Кандидат исторических наук, старший советник Постоянного представительства России при ОБСЕ.

Во-вторых, новые светские режимы в Алма-Ате, Ашхабаде, Бишкеке, Душанбе, Ташкенте искали у развитых в политическом и мощных в военно-стратегическом отношениях евроатлантических демократий защиты от мощного давления *религиозного исламского экстремизма* (вахабизма).

В-третьих, с присоединением к ОБСЕ связывались надежды на содействие в формировании благоприятного *инвестиционного климата* и приток из передовых стран Северной Америки и Западной Европы новейших технологий и капиталов.

Эти цели центральноазиатских правящих элит были в значительной степени созвучны с представлениями, возобладавшими по отношению к ним в начале 90-х годов в ОБСЕ. При этом ведущие государства-участники, включая прежде всего Россию, руководствовались стремлением обеспечить в центральноазиатском регионе преемственность в имплементации на всем постсоветском пространстве основополагающих документов и договоренностей, определивших основные параметры формирования многополярного мира в сфере поддержания международной безопасности, контроля над вооружениями, обеспечения демократических свобод и прав человека, а также создания условий, необходимых для развития справедливого, взаимовыгодного экономического сотрудничества и трансфера передовых технологий.

Вместе с тем в ОБСЕ были и сомнения в целесообразности приема новых государств в организацию, так как тем самым принимались определенные обязательства по оказанию им содействия, в том числе и в деликатных вопросах поддержания безопасности, к чему некоторые государства-участники ОБСЕ не были готовы. Решающую роль в преодолении этих сомнений сыграла позиция российской делегации на 2-й встрече Этих министров иностранных дел стран-участниц ОБСЕ в Праге (30—31 января 1991 г.) на который и был окончательно решен вопрос о сохранении Центральной Азии в пространстве ОБСЕ и присоединении к ней Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Таким образом, пугало “неоимперских амбиций” Москвы было задвинуто за кулисы центральноазиатской политической сцены.

С самого начала в отношении ОБСЕ к государствам Центральноазиатского региона так же, как и в других регионах, проявился сложный и противоречивый характер этой международной организации. Строго говоря, ОБСЕ сама по себе не имеет своего политического курса. Выступающие от ее имени руководящие органы, функциональные институты и отдельные должностные лица выражают или должны выражать консенсусное мнение 35 государств-участников.

Помимо того, что ОБСЕ таким образом являлась и является до сих пор выразительницей демократических устремлений международного сообщества, на ее деятельность накладывают отпечаток и державные устремления отдельных так называемых “основных государств”, к которым относят прежде всего США, Великобританию, Германию, Канаду, Италию, Францию, действующих через них транснациональные корпорации и международные финансовые группировки.

Точно так же, как и в общемировом аспекте, в региональном центральноазиатском измерении в деятельности ОБСЕ сталкиваются

глобальные тенденции построения демократического мультиполярного мира, в котором ОБСЕ играла бы системообразующую роль, и натоцентристская линия к монополярному американоцентристскому миру, в котором центральной осью международной безопасности и ее военно-стратегическим гарантом являлась бы НАТО при лидирующей в ней роли США. Экономические рычаги воздействия на ситуацию в евроатлантическом пространстве передавались бы Европейскому Союзу, а ОБСЕ через ее профильное гуманитарное измерение отводилась бы роль своеобразного орудия “контролируемой нестабильности” (*managed instability*)⁵, с целью активного воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государств-участниц со стороны “элиты” международного сообщества, куда входят все упомянутые выше “основные государства” ОБСЕ.

Приведем одно интересное суждение на этот счет, опубликованное в изданном Секретариатом ОБСЕ сборнике “ОБСЕ в 1995 г.”⁶. “Некоторые комментаторы, писал один из авторов этого сборника М. Михалка, отнесли относительно мирную дезинтеграцию Советской империи на счет процесса ОБСЕ и его активности в “человеческом измерении”. Таким образом, безопасность, по крайней мере в контексте ОБСЕ, необязательно означает стабильность. В лучшем случае любая модель безопасности на принципах ОБСЕ может только представить разновидность контролируемой нестабильности (подчеркнуто нами, — В.П.). Это становится очевидным при рассмотрении имеющихся источников стабильности и нестабильности в Европе”.⁷

Последующая политическая практика и, в частности, косовские 1998—1999 гг. события во многом подтвердили верность этого суждения западного политолога.

Объективности ради следует однако отметить, что подобного рода концепция ОБСЕ как орудия “контролируемой нестабильности” разделялась и разделяется далеко не всеми делегациями. Тем не менее она вызывала и вызывает определенное раздражение центральноазиатских государств и встречает с их стороны растущий и аргументированный отпор. Ведь наряду с “благополучными” примерами “тихой дезинтеграции”, как например в бывшей Чехословакии, имел место и югославский вариант кровавых разборок, спровоцированных неосторожными прикосновениями к деликатным вопросам межнациональных отношений, прав национальных меньшинств, построения демократического общества и других тем гуманитарного измерения ОБСЕ.

В более отдаленной географической перспективе к середине 1994 г. вырисовались в полном объеме поистине глобальные масштабы руандийской трагедии, которая начиналась с провозглашения привлекательных лозунгов демократического плюрализма и прав человека, а продолжением имела гибель 800 тыс. человек (более 10 процентов населения страны) и распространение конфликта из центра Африки до берегов Атлантики.

Наконец, в самом центральноазиатском регионе, в Таджикистане, переходный период от одной формы государственности к другой без надлежащей “страховки” со стороны международного сообщества привел к кровопролитию, в ходе которого в 1992 г. погибло 100 тыс. человек,

1,5 млн. жителей стало беженцами, а материальный ущерб составил 7 млрд. долларов США.⁸

С учетом этих реалий для правительств новых независимых государств в Центральной Азии поддержание политической стабильности в регионе и каждой отдельно взятой стране, безусловно, является приоритетом национальной внешней политики. С точки зрения прежде всего этого приоритета они, естественно, рассматривают и воспринимают стандарты и ценности ОБСЕ, в том числе и в сфере гуманитарного измерения деятельности Организации.

Известно, что положение в области защиты прав человека и строительства новых демократических институтов в центральноазиатских государствах не всегда соответствует требованиям, принятым и утвержденным в ОБСЕ. Переход на общеевропейские стандарты не может быть слишком кратким. В то же время лозунги защиты прав человека, верховенства закона, демократии легко могут быть использованы недобросовестными и просто криминальными элементами для сеяния смуты и инициирования политической нестабильности для достижения своих собственных целей.

Понятны поэтому осторожность центральноазиатов и их бдительность при инплантировании общеевропейских стандартов в области прав человека и фундаментальных свобод на национальной почве. При этом правительства новых независимых государств рассчитывали и рассчитывают во многом и сейчас на понимание со стороны европейских и американских демократий. Именно поэтому некоторые из них претендовали на начальном этапе развития отношений с ОБСЕ, в частности на рубежном для центральноазиатских государств заседании Руководящего совета ОБСЕ в Праге 31 марта 1995 г., на статус “просвещенных авторитарных режимов”, не усматривая с учетом своей специфики в этом понятии ничего негативного. Эти расчеты однако не оправдались. В изданном Секретариатом ОБСЕ по итогам года сборнике речей и статей “ОБСЕ в 1995. Год в публикациях” (The OSCE in 1995: A Year in Print. Compilation of articles and speeches on the OSCE in 1995) уже упоминавшийся выше знаток общеевропейского процесса М. Михалка охарактеризовал сами эти претензии как “бесстыдные” (unashamedly), отразив достаточно широко распространенное отношение к ним в кругах.⁹ При этом однако полностью игнорируется как специфика центральноазиатских государств, так и собственные культурно-исторические традиции Европы, в частности тот факт, что министр иностранных дел Казахстана К. Токаев, который по словам М. Михалки, выступил с претензиями на “просвещенный авторитаризм”¹⁰, лишь повторил известный канон основоположника всей системы современной западной политической философии Платона об оптимальном государственном устройстве.

Приняв центральноазиатские государства в европейскую семью народов, ОБСЕ тем самым обязалась оказывать им содействие в строительстве новых демократических институтов.

Как правило, такая помощь бывает полезной и с благодарностью принимается странами-реципиентами помощи.

Вместе с тем правительства центральноазиатских государств реши-

Карта присутствия ОБСЕ в Центральной Азии

тельно противятся такому распространению общеевропейских стандартов в области демократии, которое подрывало бы сложившиеся устои государственной власти, нарушало сложившееся политическое равновесие.

Особенно жесткое противостояние по данному вопросу произошло осенью-зимой 1998—1999 г. между Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ и властями Республики Казахстан в связи с проведенными в этой стране 10 января 1999 года президентскими выборами.

В течение 1999 года постоянно увеличивается давление на узбекские власти в связи с имеющимися в Республике Узбекистан нарушениями прав человека и демократических свобод.

Противясь необоснованному вмешательству в свои внутренние дела, правительства центральноазиатских государств закономерно настаивают на применении по отношению к ним со стороны ОБСЕ сбалансированного подхода, основанного на равновесии всех трех измерений Организации. Понимание и озабоченность односторонним подходом западных ведущих государств к положению в Узбекистане выразил министр иностранных дел РУ А. Камиллов в своем выступлении на

заседании Постоянного совета ОБСЕ 8 июля 1999 г. Мининдел РУ подчеркнул в частности первостепенное значение содействия со стороны ОБСЕ обеспечению безопасности государств Центральной Азии в изучении и выполнении их инициатив, направленных на устранение имеющихся угроз, среди которых А. Камиллов особенно выделил экспансию политического и религиозного экстремизма с юга и появление по периметру региона новых ядерных государств. Он критически высказался о стремлении найти решение всех проблем региона прежде всего в гуманитарном измерении. “Вместо оказания ожидаемой политической поддержки демократическому курсу наших государств, сказал в частности А. Камиллов, ОБСЕ все в большей степени сосредотачивается на ”проблемах прав человека”, в то время как реальные угрозы демократии и человеческим жизням — терроризм, наркотики, религиозный экстремизм — представляются как второстепенные по значимости”.¹¹ Весьма адресно по отношению к США и Евросоюзу прозвучало в этом контексте высказывание узбекского мининдела против превращения европейских ценностей в области основных прав и фундаментальных свобод в “средства контроля”.¹²

Приветствуя активность ОБСЕ и ее западных государств-участников в сфере гуманитарного измерения, правительства центральноазиатских государств прежде всего ожидают содействия во всеобъемлющем политическом урегулировании конфликта в Таджикистане и активизации деятельности по предотвращению возможных новых конфликтов. К сожалению, почва для возникновения таковых в регионе имеется. Ее питают религиозный экстремизм, нерешенность ряда социально-экономических проблем, межнациональная и водно-земельная чересполосица, трудности постсоветского размежевания и многое другое. Как широкие слои населения, так и правительства центральноазиатских государств видят основную причину своих повседневных проблем не столько в несовершенстве государственных институтов и юридических структур, сколько в отсутствии иностранных инвестиций и благоприятного климата для таковых.

Особую опасность для Центральной Азии представляет глобальная проблема производства и контрабанды наркотиков. По данным Международной программы контроля за наркотиками ООН, производство только опиума на территории соседнего Афганистана увеличилось с 1985 по 1995 гг. в 4 раза и достигло 2 тыс. тонн. Насчитывалось 7 лабораторий по производству героина.¹³ Большая часть этой продукции вывозилась в Европу через Центральную Азию и Пакистан. По оперативным данным Программы к концу десятилетия положение отнюдь не улучшилось, “прогоняемый” через регион оборот наркотиков давно исчисляется на европейских рынках сотнями миллионов долларов, и противостоять ему самостоятельно центральноазиатские государства, ресурсы которых ограничены, не в состоянии.

Велики ожидания центральноазиатских государств по отношению к ОБСЕ в области оказания им содействия в защите весьма хрупкой окружающей среды региона, которому угрожают наступление песков, высыхание водоемов, в частности Аральского моря, разрушительные паводки и селевые потоки.

Как неоднократно подчеркивалось в выступлениях представителей центральноазиатских государств на различных форумах ОБСЕ проблемы экономического и экологического сотрудничества составляют важные компоненты областей сотрудничества и безопасности между странами пространства ОБСЕ в целом и Центральной Азии (ЦА) в частности.

Вызовы в этой области как в каждой отдельной стране, так и в регионе в целом связаны в первую очередь с другими проблемами характерными для стран переходного периода.

При этом, как неоднократно подчеркивалось представителями центральноазиатских государств, “решения проблем и новых вызовов в области экономики и экологии, с которыми сегодня сталкиваются страны региона невозможно осуществлять в одиночку. Здесь очень важна скоординированная и согласованная стратегия”.¹⁴

В своих усилиях на этом направлении страны ЦА сталкиваются с рядом серьезных проблем в частности водно-энергетических. Республика Таджикистан, например, обладает мощными водными ресурсами. Две самые крупные реки региона — Амударья и Сырдарья — берут начала с территории этого государства, гидроэнергетические возможности являются важнейшей составляющей общерегионального потенциала, значительного, кстати говоря, и в мирохозяйственном масштабе.

Однако в силу причин как географического, так и исторического характера, пока еще трудно говорить о рациональном, учитывающем интересы всех стран региона использовании водного потенциала страны.

Вполне обоснованными являются надежды властей как Таджикистана, так и других стран региона, что мировое сообщество, накопившее определенный опыт регулирования таких вопросов, окажет им, в том числе и по линии ОБСЕ и других международных организаций, необходимое содействие хотя бы “в разработке законодательной базы международного сотрудничества”¹⁵.

В аспекте водных ресурсов исключительно важное значение для экологического равновесия как для региона, так и для мировой экосистемы имеют проблемы Аральского моря и Саррезского озера. Озеро Саррез находится на территории Таджикистана на высоте более 3 тыс. м над уровнем моря. Искусственная плотина этого озера высотой 567 м и длиной 5 км образовалась в результате землетрясения. В настоящее время она сдерживает огромную массу пресной воды объемом в 17 кубических километров. По прогнозу ученых искусственная плотина может разрушиться в любой момент. В случае разрушения плотины громадный селевой поток поставит под угрозу все на своем пути до Аральского моря. “Если плотина рухнет, говорится в специальном докладе миссии ОБСЕ в Таджикистане, будет нанесен огромный материальный ущерб поселениям, гидротехническим сооружениям, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, дорогам и ирригационным системам на территорию в 52 тыс. кв. км.”¹⁶

Миссией ОБСЕ в Таджикистане в сотрудничестве с Академией Наук и Министерством охраны природы Республики Таджикистан по данному вопросу подготовлено специальное сообщение, которое было распределено среди делегаций Экономического форума ОБСЕ в мае 1999 г.

Как отмечал в своем выступлении на заседании Постоянного совета ОБСЕ 28 января 1999 г. Президент Киргизской республики А. Акаев расчеты стоимости работ, призванных избежать катастрофы, составляют около 5 млрд. долл.¹⁷ Государства Центральной Азии не в состоянии самостоятельно решить эту проблему. Эта глобальная угроза не может быть устранена без помощи мирового сообщества.

Вместе с тем центральноазиатские государства отнюдь не рассчитывают лишь на безвозмездную помощь из-за рубежа. Проблемы региона могут быть радикально решены только при условии его гармоничного включения в глобальную мирохозяйственную систему. Как отмечалось, в частности в выступлении представителя Таджикистана на упомянутом выше Экономическом форуме ОБСЕ, проекты, подобные проекту регулирования вод Сарезского озера, целесообразно рассматривать в комплексе с развитием и разработкой экономических мощностей Центральной Азии в целом. При этом первостепенное внимание следует уделить таким, как разработка экономически выгодных проектов в области гидроэнергетики (строительство гидроэлектростанций, разработка полезных ископаемых, развитие цветной металлургии); увеличения мощностей по производству сельскохозяйственных культур (хлопок, зерно, шелк, фрукты); строительство новых трансконтинентальных магистралей (нефте- и газопроводы, автомобильные и железные дороги), соединяющих ЦА с внешним миром по оптимальным физико-географическим направлениям, так как тем самым были бы созданы необходимые предпосылки для быстрой и выгодной окупаемости вкладываемых в экономику региона средств.

С привлечением достижений научно-технического прогресса достигалось бы синергетическое решение как экономических, так и экологических проблем. В итоге реализация этих проектов значительно повысила бы материальное благосостояние в странах ЦА, что способствовало бы укреплению не только экономической, но и политической безопасности в регионе.

Конкретные инвестиционные проекты, предлагаемые правительством Таджикистана, предусматривают вложение средств в выгодные объекты, которые не только принесут выгоду инвесторам но и позволят решить экономические и экологические проблемы всего региона.

Таджикистан, например, является одной из самых больших на нашей планете кладовых гидроэнергетических ресурсов, весьма удобно расположенной вблизи одного из наиболее динамично развивающихся мирохозяйственных регионов. Исходя из этого таджикское правительство уже сейчас предлагает деловым кругам проекты инвестирования в строительство каскадов гидроэлектростанций на реках Вахш и Пяндж. Подготовлены также инвестиционные проекты строительства крупных Рогунской и Сангудской ГЭС, а также строительства значительного числа средних и малых гидроэлектростанций. Перспективными потребителями электрической энергии является быстроразвивающиеся соседние страны — Китай, Пакистан и Индия с населением, составляющем около 40 процентов человечества.

В настоящее время практически завершено строительство автодороги соединяющее республику с портами Индийского океана (Душанбе —

Куляб—Хорог — Каракурум — Карачи), что в два раза короче существующих дорог до Европы. Строительство этой магистрали не только имеет экономическую выгоду для государств региона, стран Европы и Юго-Восточной Азии, но и параллельно будет способствовать решению многих экологических проблем. Но для его полного завершения нужны инвестиции и капиталовложения, которые быстро окупятся за счет огромных запасов полезных ископаемых, практически всей таблицы Менделеева, расположенных вдоль этой магистрали.

* * *

Для реализации огромного положительного потенциала, кроющегося в будущем включении центральноазиатского региона в мировую экономику, весьма важно преодолеть мировоззренческие предрассудки, уходящие корнями в глубь “холодной” войны. К сожалению на Западе все еще склонны рассматривать регион как удаленную периферию мирового сообщества, “колониальную окраину бывшей Советской империи”. При таком подходе целиком игнорируется значительный промышленный потенциал региона, ресурсы квалифицированной рабочей силы и технической интеллигенции. Делается по существу шаг назад в поступательном историческом развитии стран, уже пробужденных к современной технологической цивилизации.

ОБСЕ как международная организация с огромным опытом достижения политических компромиссов может сыграть значительную положительную роль в формировании нового международного облика центральноазиатских государств, соответствующего как интересам мирового сообщества, так и, прежде всего, народам самих этих государств.

Необходимо также объединить усилия других многочисленных международных организаций и вести их координацию. В регионе в настоящее время параллельно ведут работу ООН, ЕС, МВФ, МБРР и другие международные организации (проекты ТАСИС, СПЕКА, ЮНИДО и др.) Однако, как показывает практика, координации и связи между этими проектами нет.

В настоящее время в ОБСЕ активно обсуждается вопрос об учреждении должности личного представителя Действующего председателя Организации по Центральной Азии. Как представляется, для того, чтобы принимать решение по этому вопросу необходимо прежде всего определиться с общим подходом ОБСЕ к региону. Совершенно очевидно, что такой подход может быть только сбалансированным и всесторонним. ОБСЕ не может более иметь в глазах центральноазиатских государств искаженный имидж назойливого и малопонятного ментора по вопросам прав человека. Организация должна взять соответствующую ответственность по всем направлениям ее деятельности, включая как политические, так и экономические, экологические аспекты безопасности. Тогда и только тогда имело бы смысл учреждение упомянутой должности спецпредставителя ОБСЕ по ЦА.

На наш взгляд, необходимо также значительно расширить роль экономического координатора ОБСЕ, активизировать деятельность страновых присутствий Организации в столицах центральноазиатских государств на экономическом и экологическом направлениях.

Для реального осуществления упомянутых проектов необходимо преодоление весьма стойких стереотипов части международного финансово-инвестиционного сообщества, придерживающегося в основном мнения о слабой перспективности Центральной Азии как реципиента инвестиций. Ссылаются на политическую нестабильность, нехватку инженерно-технических кадров, отсутствие на Западе должных навыков работы в этом регионе.

Между тем при наличии более широкого подхода к проблеме региона все эти трудности преодолимы к удобству всех участников возможной кооперации. Для этого необходимо лишь отказаться от рецидивов мышления “холодной” войны и подхода к региону как военно-политическому трофею Запада в этой войне, “отобранному” у России.

В этом случае открывается уникальная возможность использования в хорошем смысле этого слова “советского наследства” для быстрого и высокоэффективного освоения природных ресурсов Центральной Азии с учетом интересов и потребностей как самих центральноазиатов, так и потенциальных инвесторов. Как известно, одним из важнейших звеньев, связывающих цепочку взаимодействия между инвесторами-донорами и реципиентами потенциальной помощи являются экономические операторы — подрядные организации, которые в состоянии стать посредниками в этом важном деле. Как правило, выбор их происходит по тендерной системе.

Российские фирмы, безусловно, имеют ряд преимуществ перед возможными конкурентами. Они располагают необходимым опытом работы в регионе и именно в наиболее важных сферах его хозяйственной деятельности — строительстве гидротехнических сооружений и транспортной инфраструктуры. Единственное, чего не хватает российским экономическим операторам, это финансирования. Так, например, в 1998 г. доля России в инвестиционные вложения иностранных государств в совместные предприятия с таджикскими партнерами составила всего 0,1 процента от общего объема в 140 млн. долларов.¹⁸

Как раз финансирование могли бы обеспечить на взаимовыгодных условиях западные международные финансовые организации. “Заодно”, кстати говоря, делался бы вклад в решение не менее важной мирохозяйственной проблемы — оказания содействия России во вхождении в мировую экономику.

Естественно, что контроль над вкладываемыми в регионе капиталовложениями сохранился за инвесторами. Но тем самым они приняли бы свою долю политической ответственности и за поддержание стратегической стабильности в регионе, которую в настоящее время Россия практически несет в одиночку. Дислоцированный в Таджикистане двадцатидвухтысячный российский воинский контингент, включающий 201-ю мотострелковую дивизию (7,5 тыс. чел.) и пограничников (14,5 тыс. чел.)¹⁹, является в настоящее время главной опорой стратегической стабильности в регионе.

В целом ожидания ОБСЕ и центральноазиатских государств в понимании друг друга во многом являются обоюдными и в какой-то степени взаимодополняющими друг друга. Развитые государства ОБСЕ ожидают от центральноазиатских столиц большей готовности к восприятию общепринятых в Организации стандартов в области человеческого из-

мерения. В самих этих столицах хотели бы большего понимания практических потребностей в решении насущных задач социально-экономического развития.

Центральная Азия — один из наиболее древних очагов цивилизации на нашей планете. Еще задолго до того как корабли Магеллана и Колумба пересекли Мировой океан, здесь в Хорезме великий мыслитель человечества Бируни умозрительно совершил эти путешествия на созданном им первом глобусе Земли.²⁰ Спустя десять веков отсюда из Байконура стартовал первый космический корабль, воплотив в себе соединение исторического наследия прошлого и высокие технологии будущего.

Полнокровное и всестороннее включение этого богатого традициями региона в пространство ОБСЕ дает новые огромные возможности для взаимного обогащения культур и взаимовыгодного экономического сотрудничества. Для реализации этих возможностей необходимо окончательно и навсегда отказаться от гегемонистских амбиций и строить новые отношения на основе подлинного равноправия и взаимного уважения.

¹ До Будапештской встречи глав государств и правительств 5—6 декабря 1994 г. называлось Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

² *Rywkin M., Moscow's lost empire/M.E. Sharpe, Armonk, New York — London, England, 1994, p. 39.*

³ Содружество независимых государств в 1995 г., Статистический ежегодник, Международный статистический комитет СНГ. — Москва, 1996 г., с. 32. Далее везде: “СНГ СТАТ 1995...”

⁴ СНГ СТАТ 1995, с.23.

⁵ *Michael MIHALKA, Restructuring European Security, Transition, vol. I, no. II, 30 June 1995, p.3.*

⁶ “The OSCE in 1995: A Year in Print” Compilation of articles and speeches on the OSCE in 1995.

⁷ *Michael MIHALKA, Restructuring European Security, Transition, vol. I, no. II, 30 June 1995, p.3.*

⁸ Справка агентства РИА “Новости” “Положение Республики Таджикистан” Документ ИТАР-ТАСС ИДЕ-001101057.

⁹ *Michael MIHALKA, Restructuring European Security, Transition, vol. I, no. II, 30 June 1995, p.3.*

¹⁰ Там же.

¹¹ OSCE document PC.DEL/350/99 9 July 1999 Statement by *H.E. Abdulaziz Kamilov*, Minister for Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan to the Permanent Council July 8, 1999, p. 5.

¹² OSCE document PC.DEL/350/99 9 July 1999 Statement by *H.E. Abdulaziz Kamilov*, Minister for Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan to the Permanent Council July 8, 1999, p. 6.

¹³ World Drug Report, United Nations International Drug Control Programme, Oxford University Press, 1997, p. 20.

¹⁴ Выступления посла Республики Таджикистан *Зарунова Х.* на VII Экономическом форуме ОБСЕ, (Права 28.05.99 года) Документ ОБСЕ EF.DEL/52/99 26 May 1999.

¹⁵ Там же.

¹⁶ OSCE document SEC.FR/535/98 20 November 1998. Mission to Tajikistan Special Report Sarrez-Lake: a "Time bomb" for Central Asia.

¹⁷ Выступление Президента Киргизской Республики *Аскара Акаева* на Постоянном Совете ОБСЕ 38 января 1999 г. Документ ОБСЕ РС. DEL/27/99 28 января 1999 года.

¹⁸ Сообщение корреспондентов ИТАР-ТАСС *Г. Гридневой* и *В. Жукова* от 15 апреля 1999 г., документ ИДЕ-001101262 от 15 апреля 1999 г.

¹⁹ Военное сотрудничество между Россией и Таджикистаном. Материал Справочной службы ИТАР-ТАСС, документ ИДЕ-001101060 от 15 апреля 1999 г.

²⁰ *Бируни, аль Бируни Абу Райхан Мухаммед Ибн Ахмад (973—048)*. Философский энциклопедический словарь. — М., Издательство СЭ, 1983, с. 57.

Статья поступила в редакцию в июле 1999 г.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ “ЭТНИЧЕСКОЙ ЧИСТКИ”

Томмазо ди Франческо*
Джакомо Скотти**

В ходе Второй мировой войны оккупанты истребляли сотнями тысяч евреев и цыган, а также сербов, хорватов и словенцев. Полвека спустя развал Югославии спровоцировал новую резню, в которой каждый ее период поочередно был и жертвой и палачем.

“С апреля до самой осени деревни Косово предавались огню и разграблению. Я лично был там: пожары и мародерство длились до середины октября. Я никогда не забуду жуткую картину, представшую перед моими глазами 18 октября, после того как я спустился с плоскогорья Ибарских гор, — длинную и жалкую колонну переселяющихся из Черногории сербов. Они убегали в город, прихватив с собой тот жалкий скарб, который им удалось спасти на телегах, тачках или в тяжелых тюках просто на плечах”.

Кажется, этот рассказ вышел сегодня из-под пера представителя ОБСЕ. Но это не так. Речь идет о выписке из “Отчета об югославской кампании итальянского агронома Джованни Лорензони, составленного в 1941 году. Это говорит о том, что “этническая чистка” на территории бывшей Югославии уходит своими корнями в историю. Если режим г-на Милошевича навязывает албанцам в Косово (они составляют там 80% населения по переписи 1991 года) эту трагическую чистку-миграцию, то в глазах сербов речь идет здесь об ответных действиях на бомбардировки НАТО Сербии, а также и в ответ на ту “чистку”, жертвами которой они были в свое время.

*Заведующий международным отделом римской газеты “Иль манифесто”.

**Историк-балканист, живущий в Хорватии.